

Ведущий. Коллеги, уважаемые друзья, мы присутствуем с вами на 78-м заседании Диспут-клуба Ассоциации независимых центров экономического анализа и экономического факультета МГУ «Узлы экономической политики».

Сегодня я в одиночку буду нести тяжесть руководства, модерирования этого диспута, потому что уважаемый сопредседатель Евсей Томович Гурвич находится вне страны, передает вам очень теплые приветствия. И тема, которая собрала нас всех, она горячая тема, это тема «Бюджетная политика: больше экономить или больше тратить?» И в диспуте принимают участие Дмитрий Рэмович Белоусов (Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования) и Олег Витальевич Буклемишев (кафедра макроэкономического регулирования и планирования экономического факультета МГУ). Но вообще, по-моему, оба участника диспута не нуждаются в представлении, они широко известны как в научных кругах, так и своими публикациями, участием в публичной полемике. Поэтому на всякий случай напоминаю правила проведения диспута.

Первым выступает Дмитрий Рэмович. До 20 минут продолжительность презентации. Потом два коротких вопроса задает Олег Витальевич и получает на них два коротких ответа. Затем идет двадцатиминутная презентация Олега Витальевича, два коротких вопроса Дмитрия Рэмовича, два коротких ответа Олега Витальевича. Начинается вторая фаза. Мы собираем вопросы от всей аудитории с обозначением, кто вопрошает и к кому вопрос. После чего ответы даются в обратном порядке: начинает Олег Витальевич отвечать на все вопросы, потом Дмитрий Рэмович отвечает на вопросы, обращенные к нему. Затем начинается третья последняя фаза. Потому что наши диспуты известны тем, что они продолжаются ровно два часа. И последняя фаза – это реплики участников. Мы определяем, какое время осталось до завершения диспута, спрашиваем, сколько желающих выступить, и тем самым образуется регламент выступлений, который жестко выдерживается. И после этих реплик мы позволяем участникам диспута сказать, что им очень понравилась публика, благодарим участников диспута и уходим с доброй памятью о том, какое замечательное интеллектуальное обсуждение произошло.

Поэтому, с вашего позволения, будем считать, что часы запущены. Итак, Дмитрий Рэмович, прошу Вас, пожалуйста.

Белоусов. Добрый день. Любое обсуждение, я думаю, разумно начать с той ситуации, которая сейчас складывается в нашей экономике и будет определять возможности и задачи бюджета в обозримой перспективе. Принципиальный вопрос нашей дискуссии, именно о том, что мы обсуждаем «не сферический бюджет в абстрактном вакууме», а реальную ситуацию, которая сложилась в Российской Федерации, что называется, за окошком. И цена правильного или неправильного решения, цена принципиальности или беспринципности, наоборот, ситуационности, или, наоборот, стратегичности, просто некой ошибки – усугубление и без того не блестящей ситуации, в которой мы находимся.

Главный компонент этой ситуации – это, конечно, то, что мы попали в длительное торможение экономического роста. Не очень видно, за счет чего мы можем выйти где-то за пределы максимум 3 – 3 с небольшим процентов роста в среднесрочной перспективе. При том, что нам всяческие расчеты показывают, что реально нужно где-то 5%, по хорошему 5–5,5%. Причем это «нужно» просто вытекает из балансовых соображений о том, сколько нужно добавленной стоимости на то, чтобы решить проблемы с бедностью, с армией, с инфраструктурой, с наукой, с обновлением основных фондов и прочее, прочее.

Применительно к бюджету. Мы оказались в ситуации, когда доходная база тормозит вместе с экономикой, а обязательств мы набрали много. Соответственно, если мы не выведем экономику, в том числе за счет бюджета, но, конечно, далеко не только (и через процентную политику, и через курс- через всё), на более или менее интенсивный рост, мы будем заниматься латанием дыр и рано или поздно долатаемся до, что называется, исподнего. С соответствующими последствиями и в экономическом смысле,

там Латинская Америка нам в пример, да в чем-то и маневрирование В. Павлова в последний год жизни СССР, и в социально-политическом тоже.

Вот картинка. Экономик тормознулась. По пессимистичному, более вероятному варианту прогноза – мы где-то уперлись в 3%. Причем это все при 100 долларах за баррель, без падения цен на нефть. По оптимистичному варианту мы больше 4,5% тоже никак не набираем. А этот (2013) год вообще стагнационный. Причем это не только по полумифическому показателю ВВП, который внутри года не пойми как меряется, но и по выпуску базовых видов продукции и т.д. То есть то, что мы стоим, видно очень четко. Причем стоим мы за счет в значительной мере сырьевого экспорта и за счет остановки инвестиционного процесса. Последнее связано в большой мере с тем, что у федерального центра кончились крупномасштабные проекты, а у регионов кончились деньги в связи с тем, что у них одновременно упал налог на прибыль и выросли обязательства по зарплате.

Вот вскрытие макроэкономической ситуации: у нас, с одной стороны, в экономике перегрев, отчасти связанный с потреблением населения, отчасти связанный с тем, что в последнее время (и это качественно новая ситуация) у нас начинается, возможно, проедание инвестиций. Начинает расти доля оплаты труда в выручке, и существенным фактором здесь является эффект лидерства оплаты бюджетников. С другой стороны, на все на это накладывается дикая совершенно гонка в сфере потребительского кредитования, в результате которой мы уже имеем уровень рисков в кредитной системе, связанный с кредитами населению, выше, чем до кризиса. Соответственно, у нас, с одной стороны, колоссальное недофинансирование инвестиций, которое вызывает и текущую остановку роста, и потерю перспектив, связанных с конкурентоспособностью и т.д., и, с другой стороны, перегрев в потребительской сфере. На это на все накладывается, разумеется, кризис бюджета, который уже не позволит нам заливать экономику деньгами и по фронтально куда-то нестись.

Ситуация падения доходов в реальном секторе. Вот обрабатывающие производства промышленности (сырьевки с ее рентой здесь нет). Выпуск она восстановила на докризисном уровне, объем инвестиций восстановила, однако обратите внимание, что у нее с рентабельностью – по-моему, минус 15% от докризисного уровня. И с платежеспособностью так же.

Соответственно, разумеется, в консолидированном бюджете у нас провал по налогу на прибыль. Здесь еще помогла ускоренная амортизация, конечно. Некоторый недобор по НДС. И недобор по НДС. В федеральном бюджете это означает выход на ноль или на небольшой минус по итогам этого года. В регионах это означает формирование просто кризисной ситуации, потому что для них налог на прибыль наряду с НДФЛ – два основных налога.

Соответственно, у нас на этой диаграмме в регионах доля долга к собственным доходам (это горизонтальная шкала) и доля трансфертов из федерального бюджета к собственным доходам. У нас ряд регионов оказались в положении «много – много», что означает просто ситуацию глубокого кризиса. Причем есть регионы, в которых долг к собственным доходам превышает 112% уже.

На этом фоне у нас продолжается запланированный рост зарплат бюджетников, который просто в силу того, как распределены мандаты, а не по чьей-то злой воле, в основном лежит на регионах.

При этом у нас исчерпаны возможности легкой экономии на налогах. Благодаря введению электронного документооборота и других правильных институциональных мер мы очень хорошо продвинулись в рэнкинге скорости уплаты налогов, количестве подаваемых документов и, в общем, вышли на такой приличный уровень для развивающихся стран. В принципе, мы большинство похожих на нас стран обогнали.

Неприятность состоит в том, что в силу набранных обязательств, которые в свою очередь опираются и на демографию, и на все остальное, мы не можем снижать ставки налогов. По сравнению с основным нашим партнером и конкурентом на евроазиатском

экономическом пространстве – Казахстаном, с которым у нас единое таможенное пространство, – у нас уровень изъятий НДС к ВВП выше, уровень изъятия ЕСН (у них реформа пенсионной системы прошла давно) выше намного, и так по всем почти налогам.

Что здесь можно сделать в этой ситуации?

Первое. Общее направление – это не столько, на мой взгляд, собственно расширение доходной базы бюджета (тем более, в условиях экономического кризиса). Главная задача – это, сдерживая рост потребления населения, которое потом обязательно окончится коррекцией в том числе, возможно, платежного баланса и курса, потому что там еще через импорт и т. д., стимулировать рост инвестиций. Для этого основная идея – перенос налоговой нагрузки с предприятий на население. И внутри корпоративного сектора (насколько еще можно, просто многое уже сделано) – с обрабатывающих производств на сырьевые отрасли, частично газовую, металлургию, химию.

Я считаю, правильная идея – переход к единой ставке НДС 15% при повышении НДС/Л до примерно 15,5%. При этом достигается баланс с точки зрения общих доходов бюджетной системы, зато они перераспределяются с федерального уровня региональным бюджетам.

И второе. Нельзя не поддержать идею, которая прозвучала на слушаниях в Госдуме по бюджету на 2014 и 2015-2016 гг. – о введении моратория по бюджетному правилу до выхода экономики на темп роста в 4–4,5%. Высвобожденные ресурсы целесообразно тратить в первую очередь на поддержку неэнергетического экспорта, на софинансирование инвестиционных проектов, в том числе в форме инвестиционного налогового кредита и инвестиционных соглашений. Минфин эти инструменты реально старается не применять, оставил их применение большим количеством ловушек, рогаток и минных полей, с маленькими лимитами на год и т.д. Причем с его точки зрения это понятно, потому что сейчас дырку в доходной базе получить не хочется. Но мы, в принципе, можем частично компенсировать выпадающие доходы за счет бюджетного правила.

Частично дополнительные доходы могут быть использованы для финансирования госинвестиций в строительство инфраструктуры и, наконец, частично – на капитализацию Внешэкономбанка (Банка Развития). Хороший у нас или плохой банк развития, но пока это то, что есть.

Экономический эффект от этого, в принципе, небольшой, порядка 0,1–0,2% ВВП в год – из-за сдерживания потребления населения, хотя за три года мы уже полпункта годового ВВП набираем суммарно. Но это даст нам достаточно приличный – больше полпункта в год – дополнительный прирост инвестиций. И, соответственно, при минимальном ухудшении торгового сальдо, в основном причем связанном с импортом оборудования. В этой ситуации мы, частично поддержав текущий рост, получим некий положительный эффект для роста в среднесрочной перспективе за счет ускорения инвестиций.

Параллельно необходимо наращивать эффективность государственных расходов. В части расходов на поддержку экономики к важнейшим направлениям повышения их эффективности относятся распространение практики совместного определения приоритетов с бизнесом на расходы на экономику и науку и формирование комплексных программ в экономике. Когда при Фрадкове начиналось формирование долгосрочных стратегий, считалось, что стратегий будет мало и они будут иметь межведомственный, общенациональный характер, с масштабами как у Транспортной и Энергетической стратегий. В результате все кончилось «мелкой шинковкой» стратегических документов: стратегией развития легкой промышленности, сельскохозяйственного машиностроения и прочего. Важно то, что еще и ресурсов для управления развитием этими отраслями у государства нет, нет рычагов воздействия на субъекты хозяйствования. Соответственно, необходимо вернуться к управлению межотраслевыми комплексами, поиску внутри них узких мест и окно возможностей для них.

С социальными институтами ключевая вещь – при повышении зарплат, параллельно рост квалификационных требований. Мы одно время в медицине начали это делать, что рост зарплат увязывался с повышением квалификации, прохождением курсов.

И с обороной. В свое время для американцев одним из основных критериев при выборе оборонных программ являлись экономические эффекты. Они выбрали авиацию, а не ракеты как основную ударную силу, в том числе потому что это правильно влияет на металлургию, внешние эффекты больше. Соответственно, это должно быть одной из основных идей при планировании расходов.

Ну и, наконец, последнее, last but not least, – это повышение эффективности работы институтов развития. В первую очередь возвращение институтам развития функции такого специфического, пусть решающего государственные задачи, но бизнеса. Превращение их обратно из заднего кармана государства в своеобразный бизнесовый институт. Да, работающий с более рискованными проектами, да, работающий с приоритетами, которые определяются из национальных нужд, но, тем не менее, контролирующей и доходность, и возвратность. Здесь ключевым элементом была бы реализация уже существующего 594-го, например, постановления Правительства о формировании дирекции госпрограмм, которое как не выполнялось, так, в общем, и не выполнено *an mass*. В результате чего мы имеем ситуацию с ГЛОНАСС, когда спутников напускали, все вроде хорошо – а пользовательской услуги на рынке, в общем, нет пока. «Эра ГЛОНАСС» только запускается еще. И выпуск проектных облигаций, в принципе он уже начинается с инфраструктурными (железнодорожными) проектами. Даже не ради привлечения денег, хотя и ради них тоже, а потому что это заставит государственные институты развития мыслить в бизнесовой логике – в логике эффективности, в логике возвратности и т. д.

На этом у меня всё.

Ведущий. Только я собрался предупредить докладчика, что у него осталось всего пять минут... Спасибо, Дмитрий Рэмович. Пожалуйста, Ваши вопросы, Олег Витальевич.

Буклемишев. У меня один вопрос технический, скорее уточняющий. Это вопрос касательно бюджетного правила, которое Вы предлагаете заморозить. Бюджетное правило – как известно, это совокупность правил.

Белоусов. Ну, да.

Буклемишев. Речь идет, я так понимаю, о запрете увеличения бюджетного дефицита, да? О пределах дефицита. Или о чем-то еще?

Ведущий. Сейчас, секунду... А второй вопрос? Сразу же второй.

Буклемишев. А второй вопрос сразу – это про вливания в институты развития. Поскольку институты развития – это плоть от плоти наших прочих институтов, я думаю, что любое вливание в институты развития никак не приведет к повышению эффективности использования средств.

Ведущий. Это суждение. А вопрос в чем?

Буклемишев. На чем основана уверенность в том, что это будет лучше, чем вливание куда-либо еще в государственной системе?

Ведущий. Спасибо. Пожалуйста.

Белоусов. По первому. Естественно, я знаю, что корректно говорить «бюджетные правила», во множественном числе. Но речь просто идет об использовании нефтегазовых доходов и временном моратории на их накопление. Тем более, что сейчас, в общем-то, конъюнктурный фактор работает скорее в пользу высоких цен на нефть, наш кризис не связан с падением нефтяных доходов. Коррекция цен на нефть – если она случится в перспективе – скорее всего будет долговременной, то есть если и упадет, то скорее всего упадет из-за технологического фактора, энергоэффективности, торможения спроса в Китае, и это будет всерьез и надолго (а не так, что упали циклически – восстановились через год-два), этих денег все равно не хватит. Поэтому речь идет просто о временном, на

период кризиса, расходовании нефтяных денег на то, чтобы стимулировать инвестиционный процесс.

Второе. Я неслучайно говорил о повышении эффективности институтов развития. Понимаете, выбор-то не между плохим и хорошим, а между такой бюрократико-технократической логикой, как у нас часто госпрограммы получаются, – и хоть какой-то заботой о конечных эффектах... У нас при нормальном как бы осуществлении госрасходов работает бюрократико-технократическая логика: запустить спутники, построить дорогу... Я уверен на 158,3%, что если бы в ГЛОНАСС в гражданской части хотя бы сидели представители бизнеса, которые отвечают кошельком и всем остальным за результаты, то услуга бы была. У нас и собачьи ошейники были бы пресловутые с ГЛОНАСС, а главное – в скорой помощи и прочих местах он бы был. Поэтому у институтов развития просто есть шанс сделать их более качественными. Параллельно с вот этой их реформой (с последним слайдом) сделать более качественным, чем обычные государственные расходы.

Ведущий. Спасибо. Итак, теперь презентация Олега Витальевича Буклемишева. Пожалуйста.

Буклемишев. Добрый вечер. Это хорошо, действительно, что начал Дмитрий Рэмович, потому что я буду говорить, наверное, как бывший минфиновец скорее более узко по бюджетной тематике. Но тем не менее я не ожидал, что у нас окажется столько пересечений и стыковых точек с Дмитрием Рэмовичем в том, что мы сегодня рассказываем. И на самом деле я в очередной раз убеждаюсь, что у разных экспертов намного больше схожего, чем различного в мнениях.

Наш диспут называется «Больше экономить или больше тратить?» Давайте начнем со второй части, которую я решил взять за нулевую гипотезу: давайте проверим, стоит ли больше тратить.

В принципе, есть доводы в пользу того, чтобы тратить больше.

Во-первых, есть такая возможность, то есть есть ресурсы.

Второе – есть уже и необходимость, потому что экономика, как вы знаете, в самом мягком описании, находится в стагнации, в худших описаниях используются немножко другие слова. Стимулирование роста за счет фискального фактора – это одна из возможностей, которую, по крайней мере, необходимо рассматривать.

Третье. Приходится, безусловно, говорить об инвестициях в человеческий капитал, инфраструктуру. То есть о тех самых бюджетных инвестициях, для чего собственно бюджет и нужен – чтобы давать обществу блага и создавать условия для будущего экономического роста.

Собственно, это те самые вещи, которые свидетельствуют в пользу того, что нужно больше тратить. Давайте посмотрим на нашу гипотезу и проверим ее с этих точек зрения.

Мне будет сегодня помогать в иллюстрации моих мыслей замечательный венецианский художник Джованни Беллини. Это серия из нескольких его аллегорий, которые представлены в Галерее Академии в Венеции. Так уж совпало, что они очень хорошо ложатся на тему нашего диспута и разделы моей презентации.

Итак, давайте посмотрим сначала на то, какие ресурсы у нас есть для увеличения расходов и с какими ограничениями мы при этом сталкиваемся. Да, действительно, есть средства бюджетных фондов, которые на сегодняшний момент достигают 8,5% ВВП. И это действительно ресурс, который можно так или иначе задействовать. Я чуть-чуть позже скажу о своем отношении к накоплению средств суверенных фондов, но сегодня факт остается фактом: фонды скорее будут расходоваться, чем накапливаться. Решение, о котором было объявлено вчера по закупке на средства Фонда национального благосостояния привилегированных акций ОАО «РЖД», знаменует очень важную развилку: окончательный выход этих денег из бюджетного домена. Хотим мы того или нет, деньги без обязательства их возврата уходят из бюджетной сферы, и, таким образом, как мне представляется, будущие пенсионеры могут с этими деньгами распрощаться. Я

подозреваю, что такая же судьба ждет и другие средства суверенных фондов. Но, если вдруг наступит новый кризис, то, как мы видели на примере прошлого кризиса, средства фондов уплывут очень быстро. Собственно, это не спасение нашей экономики, в чем мы уже успели убедиться. Это и не ресурс, но это и не спасение.

Следующая вещь – низкий уровень госдолга. Я как профессиональный долговик все-таки не могу этим не гордиться, уровнем 10% долга к ВВП, который достигнут Российской Федерацией. На нынешний момент времени это серьезный ресурс, который мы можем использовать, если, конечно, конъюнктура нам позволит. Но, как вы прекрасно представляете, внутренние заимствования ограничены эффектом «вытеснения» (crowding out), мы не можем взять на внутреннем рынке в год значительно больше, чем берем сегодня. Внешние заимствования также ограничены емкостью рынка. Он, конечно, побольше, но, тем не менее, там тоже разгуливаться не стоит.

Я хочу еще напомнить, что долг неизбежно сопряжен с расходами на его обслуживание. И в нынешнем бюджете при весьма небольшом нашем долге 0,6% ВВП мы все-таки вынуждены тратить на его обслуживание, а это сумма, которая по меньшей мере сопоставима с расходами федерального бюджета на образование или ЖКХ. Давайте представим себе, что государственный долг удвоится до 20% ВВП, тогда надо, как минимум, удвоить сумму обслуживания, а скорее всего она увеличится сильнее. То есть надо будет в перспективе искать в бюджете ресурс для обслуживания возросшего долга.

Налоги. Налоги у нас действительно низкие по отношению к аналогам (я имею в виду близлежащие европейские страны). Но только что вышел очередной октябрьский выпуск «Фискального монитора» МВФ, где этот вопрос исследован в международных сопоставлениях. Эксперты Фонда пришли к очень интересному выводу: несмотря на то, что уровень налогообложения в России действительно относительно низкий, чем у более развитых стран, мы находимся фактически на предельном уровне наращивания налогообложения. Введение в действие налога на имущество физлиц фактически приведет к тому, что мы этот порог перейдем. По оценкам МВФ, нет возможности безболезненно в дальнейшем наращивать налоговое бремя, особенно, в той экономической ситуации, в которой мы сегодня оказались, о чем замечательно рассказал Дмитрий Рэмович.

И, наконец, последний ресурс – приватизационный потенциал. Об этом я долго говорить не хочу, потому что в силу целого ряда причин – плохого управления, нынешнего состояния российской экономики, вообще отношения к приватизации – приватизационный план хронически недовыполняется. И я боюсь, что в ближайшее время он просто не имеет шансов был выполненным. Так что приватизация - тоже не ресурс.

Посмотрим теперь на общие расходы бюджетной системы России, которые я отложил на графике с 2005 года по 2016 (на основе проекта нового бюджетного закона). Очевидно, что мы с плато расходов бюджетной системы порядка 30% в начале 2000-х годов перешли на новое плато 35–37% от ВВП. И как бы того ни хотели, серьезно нарастить этот уровень в ближайшее время не получится.

Теперь о стимулировании роста, что действительно стало очень актуальной темой в свете ситуации, которая наблюдается у нас в экономике. Давайте посмотрим на фискальное стимулирование, расходное стимулирование. Фактически я здесь буду говорить о так называемых расходных мультипликаторах, которые демонстрируют, насколько вырастает экономическая активность, если вы вкладываете в экономику бюджетный рубль.

Если раньше существовал консенсус в теории по поводу бюджетных мультипликаторов, то после кризиса ситуация заметно перевернулась. Раньше считалось, что эти мультипликаторы достаточно малы, что бюджетное стимулирование роста, вообще говоря, не очень эффективно. Оно может быть направлено на долгосрочные цели, а для управления циклом лучше приспособлены монетарные методы. Из-за длинных операционных лагов, потому, что начатые в спад расходы очень трудно потом свернуть на

подъеме и в силу целого ряда других факторов бюджетное стимулирование считалось неэффективным.

После кризиса или, вернее, даже в ходе кризиса эта точка зрения начала пересматриваться. Очень серьезно изменились обстоятельства. Во-первых, сели на ноль процентные ставки. Процентные ставки ушли в ноль, соответственно, дальнейшее монетарное стимулирование через данный канал стало невозможным. Во-вторых, стали возникать ограничения кредитования (в кризис больше, сейчас – меньше), что, опять же, означает, что каждый рубль, потраченный через бюджетную систему, приносит значительно больший эффект, нежели в условиях, когда таких рестрикций нет. В-третьих, фискальные власти тоже стали в кризис действовать значительно оперативнее. И мы в кризис также видели, что страны, у которых низкое долговое бремя, могли себе позволить потратить довольно большие суммы на стимулирование экономики, не опасаясь, что рынки отреагируют на это запретом будущих заимствований.

Но сейчас я хотел бы остановиться еще на одном эффекте - параллельного зарубежного стимулирования. Понятно, что любая бюджетная накачка только частью достается экономике данной страны, а в остальном через импорт выплескивается на мировой рынок, стимулируя тем самым другие экономики.

На следующем слайде проиллюстрирован как раз этот эффект. За левую часть этого слайда я должен сказать спасибо ЦМАКПУ, публикуемые ими графики дают очень хорошее приближение того, насколько инвестиционные процессы у нас обслуживаются внутренними и внешними источниками. Импорт машин и оборудования с докризисного времени вырос более чем на 60%, в то время как внутреннее их производство еще докризисного уровня не достигло. То есть понятно, как изменилась пропорция на инвестиционном рынке отечественных и импортных машин и оборудования: если мы начнем завтра инвестиционное стимулирование, то оно в большей степени будет доставаться другим странам.

Второй график, который в верхнем углу, он иллюстрирует всем хорошо известную долю импорта на потребительском рынке. То есть рубль, выплаченный гражданину, который поработал на этих замечательных стройках, почти наполовину уходит на закупку импортных товаров.

Ну, а последняя, уже трагическая картинка в правом нижнем углу показывает сальдо текущих операций. Обращаю ваше внимание на последнюю точку этого ряда, которая нарисована только что, буквально две недели назад - 1,1 миллиарда долларов за третий квартал 2013 года. Это минимальная точка за весь период, который здесь изображен, это меньше, чем было в кризис (а цена нефти тогда составляла 60 долларов за баррель). Что стоит за этим эффектом? Наибольшее изменение произошло с услугами. Импорт услуг по сравнению с предкризисным периодом вырос практически в пять раз. Было бы интересно изучить разные трактовки этого явления.

Вот нет, к сожалению, Евсея Томовича, у которого с соавтором Ильей Прилепским в «Вопросах экономики» №9 вышла замечательная статья на тему как раз сальдо текущего счета и о том, как сальдо текущего счета влияет на развитие экономики и как развитие нашей экономики ограничивается динамикой сальдо текущего счета. Я очень рекомендую вам ознакомиться с этой статьей. В частности, там приведены оценки, что 1% ухудшения бюджетного сальдо приводит к ухудшению сальдо текущего счета от 0,2% до 0,7%. Вот еще одна зависимость, которая, на мой взгляд, ставит крест на перспективах бюджетного стимулирования; думаю, что заметное ухудшение бюджетного баланса в этом смысле вряд ли допустимо.

Теперь самая фривольная часть моей презентации. Мы поговорим об общественном благе, то есть об инвестициях в человеческий капитал и об инфраструктуре. Я позволил себе разобрать всего-навсего два проекта. Это не означает, что их всего два. Этим проектам на самом деле намного больше. И должен вам сказать, что я сам был поражен многим вещам, которые в этих проектах обнаружил.

Первая история. Для тех, кто не знает пейзажи... если бы была желтая машинка на этом пейзаже, вы бы сразу догадались, что это речь идет о федеральной трассе «Амур» (Чита – Хабаровск). Примерно видно и то, что происходит с этой трассой сегодня (асфальтового покрытия нет).

Это пример нашего стратегического инвестиционного проекта, который, оказывается, был начал еще до моего рождения, соответствующее постановление Совмина было принято аж в 1966 году. Началась осуществление проекта в 1978-м. И вот только сейчас мы, наконец, приехали к завершению этой трассы (которое еще на несколько лет было задержано уже в нашу эпоху).

Так чем замечательна эта трасса? Рост сметной стоимости вдвое – об этом даже не говорю. О коррупции тоже не хочется разговаривать, скучная тема. Вот мировой рекорд по дальности доставки битума – мне очень понравилось. Когда сравнивают стоимость погонного километра наших и зарубежных дорог, очень часто у нас сетуют, что у нас другие условия. В качестве одного из таких извиняющих условий был использован следующий факт – на строительстве этой дороги битум доставлялся на расстояние до 1500 километров. По-моему, это очень хорошо свидетельствует о качестве планирования.

Но главное даже не в этом. Я не буду цитировать длинную фразу из правительственных документов о стратегическом характере данной магистрали, ее любой желающий может найти. Но сегодня по этой трассе проходит 300 машин в сутки. 300 машин в сутки – это 12 машин в час. Знаете, это очень редко идущие машины.

Муж. Зато пробок нет.

Буклемишев. Пробок совершенно нет. 300 машин в сутки – это крайне мало. Для сравнения: на вылетных магистралях из Москвы в час проходит более 100 тысяч машин.

Основные пользователи трассы «Амур» – никакие не грузовики. Это перегонщики японских машин в европейскую часть Российской Федерации. То есть вы понимаете, мы за 80 миллиардов рублей построили стратегическую трассу, по которой редкие водители перегоняют машины на территорию Российской Федерации.

Почему по этой трассе не пошли грузы? На что собственно рассчитывал планировщик?

Потому что параллельно идет Транссиб и тяжелые грузы по-прежнему едут по нему. Ничего с этим не поделаешь. Транссиб в этом смысле выигрывает очень сильно.

Расстояние между заправками - сотни километров. Отсутствие кафе, техцентров и ДПС. Я знаю, что большинство присутствующих здесь отсутствие ДПС на пути не пугает, а скорее, наоборот, радуется, но это тот самый случай, когда дело обстоит ровно наоборот: местные не советуют ездить по этой дороге без «травматики».

По высочайшему указанию на трассе построены 102 вышки мобильной связи. Это еще раз к вопросу о стимулировании экономического роста. Потому что естественно, что пользователей у мобильной связи тут нет. «Большую тройку» «нагнули» поставить эти вышки, которые мы с вами из своего кармана как пользователи услуг мобильной связи оплачиваем.

Вторая, еще более смешная история, про инвестиции в человеческий капитал. На слайде остров Русский. Кампус Дальневосточного федерального университета.

Этот кампус – смешная штука, если бы не было так грустно. 680 миллиардов рублей инвестиций. Причем все цифры, которые я привожу, – абсолютно доступные, в открытом доступе цифры. Единственное, что я взял из инсайдерных источников – это то, что здания построены без сейсмоустойчивых фундаментов, на этом сэкономили.

Этот университет, с позволения сказать, с трудом набирает себе студентов, в этом году план по набору не выполнен. Они с гордостью говорят, что они нарастили средние показатели ЕГЭ студентов на четыре пункта, но минимальный у них при этом 34,7. Те, кто знают цену нашему нынешнему ЕГЭ, понимают, какие студенты обучаются в этом самом институте.

«Катастрофический академический уровень». Это цитата одного из деканов Дальневосточного федерального университета.

Естественно, люди не хотят ехать учиться и преподавать в этот кампус, поскольку он отдален от всего. В советское время там были воинские части, в которых никто не хотел служить. Желаящих отсылаю к Гришковцу, у него на эту тему очень ярко написано.

Белоусов. Там просто голод был смертельный *.

Буклемишев. Нормальной воды там нет, нет водопровода. Опреснители были доставлены к АТЭС, и до сих пор людей поят из опреснителей. Вот вам, пожалуйста, инвестиции в человеческий капитал.

Последнее. Опять же, нашел в открытом доступе. Недавно одной из компаний был выигран тендер по обслуживанию этого кампуса. Не весь Дальневосточный университет, только один этот кампус, отдельно взятый. В пересчете на год это составляет 2 миллиарда с лишним. Для справки, весь МГУ обходится федеральному бюджету по всем статьям расходов в 11 миллиардов рублей!

Для тех, кто ратует за инвестиционное стимулирование на основе идеи о положительных и больших мультипликаторах. Я настаиваю на том, что расходные мультипликаторы по этим проектам отрицательные.

Теперь заключение.

Ведущий. Полторы минуты.

Буклемишев. У меня полторы минуты, поэтому я просто быстро пробежусь по последним слайдам. Это слайд о том, как у нас росла бюрократия. Она росла удивительно в параллели нашим бюджетным расходам. Как появилась возможность роста бюджетных расходов, точно так же выросла бюрократия. Это численность бюрократии, то есть поголовный счет. Если говорить по рублевому счету, он, конечно, будет гораздо более крутым. Последние решения о повышении зарплат чиновникам не дают в этом усомниться.

А вот штука, которая поразила меня. Выяснилось, что по блумберговскому рейтингу Россия – самая полицейская страна мира. Более того, мы на 20% опережаем второго призера, Турцию. Турция – как известно, страна практически воюющая.

Белоусов. А они внутренние войска включили. Это просто неправильно.

Буклемишев. Да, Дмитрий, абсолютно правильное замечание. Здесь речь идет не об МВД, а law enforcement agencies, то есть те, кто занимаются предотвращением преступлений, преследованием преступников и охраной заключенных. То есть наркополицейские сюда включены, МВД включено, причем без обслуживающего персонала.

Белоусов. А внутренние войска?

Буклемишев. Внутренние войска – нет. Здесь только Минюст.

И теперь последний мой слайд. Я нарисовал внесенный закон о бюджете на лепестковом слайде. Вот по горизонтали у нас отложены собственно государственные расходы. Это силовой блок и общегосударственные вопросы. То есть то, что государство тратит, грубо говоря, на себя. А по линии «север – юг» отложены социалка и экономика, то есть то, что государство тратит на нас. Ну вот для всех тех, кто разбирается в лепестковых слайдах, сразу видно, что из квадратика бюджета этого года мы очень быстро превращаемся в ромб. И к 2016 году ромб весьма и весьма вытянутый по горизонтали. То есть политика на федеральном уровне заявлена такая: государство будет все больше самопожирующим.

И в этих условиях, честно говоря, господа, я не вижу никакого смысла больше тратить денег. Но, честно говоря, не вижу и смысла больше денег экономить, об этом я, надеюсь, скажу в ответах на вопросы.

Ведущий. Спасибо. Итак, по-моему, Олег Витальевич сам себе уже задал два вопроса. Но это право, заметим, Дмитрия Рэмовича. Пожалуйста, Дмитрий Рэмович, Ваши вопросы.

Белоусов. У меня, как и у коллеги, один вопрос, уточняющий. Там у Вас был впечатляющий слайд о росте расходов. Что будет происходить с расходами, если убрать оттуда пенсионные компоненты? Понятно, что у нас вся вот эта гадость, она на фоне резкого роста пенсий, потому что демография плохая. Что будет, если оттуда эту штуку убрать, с остальными расходами?

И второй момент. У Вас одновременно прозвучали две установки. Что государственные инвестиции, они зло по себе, потому что воруют. И государственные инвестиции, они плохие нынешнем режиме, потому что неэффективны. Как бы пациента-то лечить или убить? И все-таки прошу проинтерпретировать тот факт, что у нас одна из причин падения инвестиций – это падение госинвестиций и инвестиций «Газпром» и РЖД, отнюдь не чемпионов по эффективности, конечно, но мы это все равно почувствовали.

Буклемишев. Я начну с второго вопроса. Мне кажется, что несмотря на то, что первый уточняющий, второй вопрос проще, с моей точки зрения.

Я абсолютно согласен здесь именно с этой постановкой, что нужно рассматривать государственные инвестиции не только в свете их абстрактной эффективности, эффективности вообще, но и конкретно в приложении к нашим условиям. Да, я абсолютно согласен, что абстрактные государственные инвестиции, особенно в определенных экономических условиях, приводят к стимулированию экономического роста.

Весь пафос мой был – что дело даже не в коррупции. Давайте отвлекусь от коррупции, давайте отвлекусь от воровства, давайте от всего от этого отвлекусь. Я хочу обратить ваше внимание на то, что принятие государственных решений о том, какие инвестиции осуществлять, приводит к осуществлению таких вложений, которые лучше было бы не осуществлять ни в каком виде, которые дают не положительные, а, к сожалению, отрицательные мультипликаторы.

Муж. Мы же отвлеклись от коррупции.

Буклемишев. Даже если отвлекаться от коррупции. Давайте посмотрим на Дальневосточный университет без коррупции. Это четко отрицательные мультипликаторы, приносящие отрицательный вклад в ВВП инвестиции.

И, конечно, абсолютно правильный уточняющий вопрос про пенсионную систему. Да, это означает, что, как говорилось в моем любимом советском анекдоте: Раз водка подорожала, не я буду меньше пить, сказал сыну папа-алкоголик, – а ты будешь меньше есть. То есть я глубоко убежден, что у меня никакой пенсии не будет, это я уже в этих стенах говорил. Призываю людей, которые меня младше, к этому готовиться, никаких пенсий у вас, господа, не будет. К этому надо относиться совершенно спокойно.

Муж. Поэтому бодрее, веселее!

Буклемишев. Пенсионное бремя государства не увеличится. Давайте работать, пока не сдохнем.

Ведущий. Оптимизм Олега Витальевича потрясает. Переходим к вопросам аудитории. Итак, кто собирает вопросы? Начинаем с правой трибуны. Пожалуйста, Кемер Борисович. Только представляйтесь.

Норкин. Норкин Кемер Борисович, Институт проблем управления. Вот у меня два коротких вопроса...

Ведущий. Кому?

Норкин. Обоим докладчикам. Все беспокоятся о дефиците бюджета. Но американцы, например, некоторых видов дефицита бюджета не боятся. Если этот дефицит бюджета вложен в инновационные проекты, то это очень справедливо, что за пользу от инноваций расплачиваются будущие поколения. Это правильно. Это первый вопрос.

И второй вопрос вот такой. Я присутствовал при дебатах Дмитрия Семеновича Львова и Стиглица на тему о том, насколько нелепо в стране, у которой основной валовой внутренний продукт является добычей, сырьевой экономикой, не учитывать при экономическом планировании производимую в стране конкурентоспособную добавленную стоимость. Вот как вы считаете, не нужно ли этот показатель взять...

Ведущий. Непонятен вопрос. Еще раз, Кемер Борисович, в чем суть вопроса?

Норкин. Еще раз суть вопроса. Мы все время говорим «вот у нас ВВП падает», «ВВП растет». Что такое растет ВВП? Мы увеличиваем продажу в основном сырья. «Падает ВВП» – мы сокращаем добычу сырья или падают цены. Так если бы мы производили добавленную стоимость и оценивали состояние нашей эксплуатации нашей экономики по добавленной стоимости, были бы совсем другие оценки.

Ведущий. По-моему, это суждение, а не вопрос, Кемер Борисович.

Норкин. Нет, у меня вопрос: как вы относитесь...

Ведущий. Вы хотите сказать «Не так ли?»

Норкин. Не так ли? Да.

Ведущий. Спасибо. Пожалуйста.

Шинкаренко. Шинкаренко Татьяна, магистр первого года обучения. Вопрос к Олегу Витальевичу.

Как известно, в связи с бюджетным правилом у нас соотношение расходов к ВВП в 2012 году было 20,6%, а к 2016 году упадет до 17%. При этом наши коллеги из Высшей школы экономики посчитали, что при увеличении расходов на заработную плату на 1% у нас темп роста ВВП увеличивается на 0,8%. То же самое происходит и при увеличении социальных трансфертов. У меня к Вам вопрос: так все же что же делать, если расходы должны сокращаться, но при этом увеличение расходов оказывает положительное влияние на ВВП? Что делать?

Ведущий. Спасибо. Пожалуйста.

Климанов. Владимир Климанов, Институт реформирования общественных финансов. У меня вопрос один по доходам, и он будет к Дмитрию Рэмовичу, и по расходам тогда к Олегу Витальевичу.

По доходам вот какой вопрос. Там по поводу 15% НДС. На сочинском форуме была такая шутка у Дворковича: до 15% НДС понизим, а НДСФЛ повысим до 15%, и все в 2015 году. Вот все-таки какие ожидания у Вас там? Тем более, у Вас прозвучало, что регионы от этого как-то выиграют и т. д. Есть ли здесь потенциал вообще в таком перераспределении налогового бремени? То есть как Вы лично к этому относитесь, какие у Вас, может быть, расчеты есть?

А к Олегу Витальевичу у меня вопрос... Много говорилось о том, что может быть бюджетный маневр и т. д. Делаете ли Вы ставку на то, что какими-либо инструментами и механизмами, которые сейчас государство активно начинает внедрять и предлагать, можно что-то с бюджетными расходами сделать? То есть новый закон о госзакупках, программный бюджет, ГЧП и т. д. Можно ли здесь все-таки получить какой-то эффект в расходах? Спасибо.

Ведущий. Спасибо. Да, пожалуйста.

Цухло. Институт экономической политики, зав лабораторией Цухло(?). У меня вопрос к Олегу Витальевичу. В том приглашении, которое нам было разослано по электронной почте, был такой пассаж, что промышленность работает на пределе загрузки используемых мощностей. В докладе этого не прозвучало. Каков источник вот этих данных о том, что промышленность работает на пределе использования мощностей?

Буклемишев. Нет, это о пределе прибыльных мощностей. Именно современных мощностей, не вообще на пределе мощностей.

Ведущий. Так, потом...

Цухло. Источник данных можно?

Ведущий. Спасибо. Еще есть вопросы, Сергей Владимирович?

Цухло. Всё.

Ведущий. Спасибо. Так, пожалуйста.

Голанд. Голанд, Институт экономики. У меня вот есть вопрос к обоим докладчикам. Вначале вопрос к Дмитрию Олеговичу(?) вот какого рода... Прежде всего Вы там упоминали, что статистика ВВП в последние три года какая-то странная. Вот нельзя ли это развить?

И второй такой конкретный вопрос. Вы говорили о том, что надо государству межотраслевыми комплексами как бы управлять, а не отраслевыми программами развития, потому что для них как бы нет рычагов воздействия. А почему рычаги воздействия появятся, когда будут межотраслевые?

И вопрос второму докладчику. Вы сказали про то, что у нас государственный долг 10% ВВП. Но ведь у нас очень большой корпоративный долг, больше, чем до кризиса. Причем в значительной части этого долга это предприятия, где государство как раз... там разные оценки есть, но Вы их знаете... где государство отвечает фактически. Это оно формально не отвечает. Мы видели, что было в период кризиса.

Агапова. Агапова Татьяна Анатольевна, экономический факультет МГУ. Вопрос к Дмитрию Рэмовичу Белоусову. Как Вы считаете, введение моратория на бюджетное правило окажет ли заметное влияние на динамику уровня инфляции? Поскольку если инфляция будет повышаться, то инвестиционная активность вряд ли будет увеличиваться. Спасибо.

Ведущий. Еще вопросы. Пожалуйста.

Павина. Павина Валентина Павловна, экономический факультет. Вопрос к Олегу Витальевичу. У Вас потрясающий финиш был в докладе: ни мира, ни войны, а армию распустить. Так вот в этой связи вопрос. Во-первых, каково воздействие или, если хотите, мультипликативное воздействие на экономику накоплений наших нефтегазовых доходов в соответствии с бюджетным правилом в западных активах? Это первый вопрос.

И второй вопрос. А что же все-таки делать? Есть ли у Вас какие-то конструктивные предложения относительно дальнейшей бюджетной политики? Прежде всего в сфере расходов.

Ведущий. Спасибо, Валентина Павловна. У всех на языке был, по-моему, этот вопрос **. Пожалуйста, еще вопросы. Закончились?

Муж. Пусть на эти ответят.

Ведущий. Да, спасибо. Олег Витальевич начинает.

Буклемишев. Я начну с уточняющих вопросов. По пределу мощностей. Просто сейчас у меня нет под рукой собственной цитаты. Это было оценочное, конечно, суждение, я не разбирал это по металлургии, машиностроению и т. д. Мое оценочное суждение о том, что мощности, на которых можно производить конкурентоспособную продукцию, которую сегодня можно продавать на внутреннем и зарубежном рынках, практически загружены до отказа. Смысл там был вложен такой, и прилагательное, которое приложено к «мощностям», именно такое.

Теперь вопрос про расходы бюджета. Не прирастим ли мы ВВП, выплачивая больше зарплат и учебных пособий? Ну, давайте прирастим. Один год мы прирастим. Давайте на следующий год сделаем то же самое. Давайте приращивать ВВП, выплачивая деньги населению. На самом деле ВВП – это очень плохой действительно показатель. И здесь я согласен с самым первым заданным вопросом. Действительно это плохой показатель. Но, к сожалению, лучше ничего не придумано по той простой причине, что добавленная стоимость в определенных смыслах еще хуже.

Я обычно в таких случаях рассказываю анекдот про добавленную стоимость. Вот идут двое по парку, один выкапывает яму, а другой следом за ним идет и закапывает эту яму (с точки зрения добавленной стоимости в обоих случаях стоимость добавлена). И спрашивают их: «Мужики, что вы делаете?» Они говорят: «С нами третий должен быть, он заболел, а он деревья сажал».

У нас не хватает вот этого дерева. У нас не хватает третьего, который сажает дерево, в чем собственно и заключается добавленная стоимость. А закапывать и раскапывать ямы, выплачивать деньги в виде пособий, да, можно, но, к сожалению, эти деньги, они... Ну вот вы выплатили, 50% люди потратили на отечественную продукцию, 50% потратили на импорт. То есть из того, что вы отдали людям, уже 50% ушло на стимулирование импортной экономики. Вот всё. Завтра эти деньги вам ничего не принесут, они выпадают... Да, люди у нас бедно живут, но это не выход, к сожалению, для экономического развития страны. Это путь в никуда (что, кстати, и делалось в последние годы, к сожалению, по большей части).

Про дефицит бюджета. Ну, дефицитом бюджета вообще ничего не финансируется, финансируется все деньгами. Если бы был способ инвестировать эти деньги в инновационную продукцию, я бы, может быть, за это ратовал, но, к сожалению, я таких способов, честно вам сказать, не вижу. Потому что, немного зная, как работают по крайней мере отдельные институты развития, я не испытываю по этому поводу ровным счетом никаких надежд. И в чем я с Дмитрием Рэмовичем больше, чем на те самые 158,3%, согласен – это в том, что если у нас частный сектор начнет что-то производить, а государство его поддержит, только в этом случае мы можем чего-то хорошего добиться.

Теперь вопрос про корпоративный долг. Вы видите, я даже интуитивно сказал «нет», как только прозвучало «корпоративный долг государственных предприятий», я тут же интуитивно предстал в образе сотрудника Минфина и сразу же сказал «нет, ни в коем случае».

Формальный ответ «нет». Но содержательно Вы, конечно, правы. Это большая проблема. Но сделать с этим, к сожалению, ничего нельзя, поскольку бюджетные рестрикции, которые навязаны в том числе с помощью бюджетного правила, у нас ограничили «жесткие» бюджетные деньги, а тратятся теперь «мягкие». То есть вместо бюджетных денег, которые достаются сложно, которые сложно получить в свое распоряжение, мы начали пользоваться «мягкими» бюджетными деньгами. Вот средства бюджетных фондов – намного более «мягкие» деньги. И средства государственных предприятий тоже. В этом смысле я Вами согласен, идет перетекание тех же самых расходов или очень близких расходов из одной сферы в другую. И поэтому формальными запретами типа бюджетного правила, об отношении к которому я сейчас скажу, вряд ли чего-то можно добиться.

Пожалуй, всё. Кроме того, чем я хотел бы завершить, потому что это действительно важный вопрос. Хотя я минфиновец изначально, знающие меня не дадут соврать, я был категорическим противником образования вот этих самых бюджетных фондов. Категорическим противником по сразу нескольким причинам. Потому что в той ситуации, в которой мы были тогда, замораживать миллиарды рублей в зарубежных ценных бумагах или в зарубежных активах было просто аморально, если хотите. Это с одной стороны.

С другой стороны, наличие вот этих свободных денег, оно высвобождает постоянно политические аппетиты и политические склоки, что мы, опять же, видим на собственном примере. И третье. Ну давайте заглянем чуть-чуть вперед. Действительно, вот был кризис – и что, помогли нам вот эти деньги? Ну, наверное, в какой-то степени помогли, но следующий кризис просто обнулит эти фонды, и всё, и до свидания.

Поэтому я считаю, что накопление фондов неправильной мерой вообще как таковой, даже вне связи с бюджетным правилом.

А теперь о том, что бы я сделал. Я, может быть, даже, с Вашего позволения, если мне позволят, вернусь к своему последнему правилу, который мне кажется очень показательным. Это собственно куда мы идем с точки зрения бюджетной политики. Нам каким-то образом надо вот этот ромбик с последнего слайда сплющить и поставить наоборот. И, к сожалению, мы попали в такой странный оборот, что общественные задачи не решаются, частных инвестиций практически нет, частный сектор боится, институты

плохие. Наливая больше денег в государственные институты, мы получаем отрицательный результат, вообще говоря.

Поэтому у меня предложение, за которое уважаемый Евсей Томович меня бы, наверное, долго топтал, но я просто не вижу другого выхода... Это предложение бюджетного маневра или налогового маневра, если угодно, но в другую сторону – отдать эти деньги назад частому сектору. Если государство не умеет ими пользоваться, если оно плодит полицию, если оно выстраивает вот эти бюрократические пирамиды... Причем даже не надо менять Налоговый кодекс, надо взять обычный американский механизм tax rebates, когда налогоплательщикам в конверте возвращается часть денег... Это администрация Буша делала не так давно – возвращала часть уплаченных налогов в качестве меры по борьбе с кризисом.

Вот это, мне кажется, был бы хороший маневр. Но этот маневр должен быть сопряжен с другими важными вещами: с реформой институтов, с формированием действительно защищенных статей в части пенсий, социальных пособий и прочих расходов не на Дальневосточный, а на обычные университеты. И многое-многое другое. То есть тут нужна целая совокупность мер, которые мне в нынешних условиях, честно говоря, не представляются реалистичными.

Но если государство не умеет эффективно использовать деньги, оно должно их отдать.

Вот это собственно все, что я предлагаю. Все эти финтифлюшки и надстройки в виде новых каких-то законов о борьбе с чем-то, там, с коррупцией или с чем-то еще, новых механизмов тендеров, программных бюджетов - честно говоря, смешно. У меня всё.

Ведущий. Но, тем не менее, переходим к ответам второго докладчика.

Белосов. Я прямо по порядку вопросов пойду.

Первый. Дефицит бюджета в США и у нас и использование на инновационные проекты.

Во-первых, еще у нас живой классик господин Андрей Паршев справедливо отметил - «Россия таки не Америка». Проблема, небольшая такая, состоит в том, что к нам чуть-чуть иначе относится финансовый инвестор. И если мы начнем сильно наращивать долг (а дефицит, ведет к накоплению долга), то у нас где-то, по нашим оценкам, между 15% и 20% долга к ВВП (мы берем 18% за границу безопасности) начнется такая самоподдерживающаяся ситуация, когда к нам снижается доверие, растет процентная ставка, и мы вынуждены будем либо еще больше занимать и влезать в режим развития, как в 90-е годы, либо как минимум мы упрямся в эти ограничения

Во-вторых, таки да, на мой взгляд, в долг государству можно брать, вообще говоря, в трех ситуациях. Первое – ситуация кассового разрыва, например, на реформы. Мы реформируем, там, пенсионную систему – ладно, взяли в долг, потом отдадим, когда нагрузка уменьшится. Второе – на инвестиционные проекты, исходя из того, что они окупятся. И третье – в ситуации национального бедствия. Не дай Господи, Чернобыль какой опять или война – тогда будем занимать, куда деваться, будем американские танки покупать по связанным кредитам. Что касается на финансирование текущей деятельности, заплат учителям, врачам и проектов, деньги по которым заведомо не вернутся, в долг брать, конечно, не надо.

Что касается инновационных проектов. Тут где-то уже, наверное, лет десять, мы работали с Минобром над всевозможными бумагами по части стимулирования научно-технологического развития. Проблема в том, что то, что нужно бизнесу, и то, что пытается профинансировать государство, – просто совершенно разные вещи. И до того как мы выстроим некую единую модельку, в рамках которой государство, с одной стороны, бизнесу пытается расширить горизонт его планирования, показать те ограничения, с которыми он столкнется не через три года, а через десять-двадцать (там, с энергией, с конкурентоспособностью), с другой стороны, финансировать или софинансировать то, что

бизнес в этой ситуации выбрал. Вне этого эти расходы или в никуда, или, в общем, это такая мягкая форма вредительства, потому что мы, в итоге, финансируем обновление технологической базы наших конкурентов. Эти технологические наработки оказываются не востребованы в нашей экономике. В результате мы за бюджетные деньги доводим соответствующие работы, снижаем по ним технические риски до уровня, приемлемого для инвесторов. Только выясняется, что инвесторы-то иностранные. Дальше проклятые буржуи просто покупают эту команду с выездом туда или без выезда, и они там работают над развитием элементной базы их электроники.. В этом смысле вне точного, совместно с нашим бизнесом, определения технологических приоритетов, фронтальное повышение государственных расходов на эту самую деятельность – в общем, дело малоосмысленное. Будут соответствующие институты – тогда да, тогда конечно.

Следующее конкурентоспособная добавленная стоимость, как индикатор. Во-первых, на макроуровне сумма добавленных стоимостей всех отраслей и ВВП – это, в общем, примерно одно и то же. Только добавленная стоимость гораздо хуже наблюдается - у нас теневой сектор там, теневой сектор здесь, малые предприятия отчитываются упрощенно, с оценками выпуска в бюджетных секторах – просто сюр... А считать долю конкурентоспособной продукции – это еще и навешивать некие условно-расчетные компоненты на все это... Мало у нас всяких ручных досчетов на ненаблюдаемые сектора и все такое прочее, на малые предприятия, которые не подают отчетность в течение года, теперь мы будем еще коэффициент конкурентоспособности туда внедрять, чтобы уж совсем была картинка рукотворная. А мы ее анализировать будем... Есть такой профессиональный юмор: «В экономике Росстата наблюдается рост». Надо от этой ситуации уходить как-то, а не наращивать.

Дальше. НДС и НДСЛ. Тут очень интересные эффекты наблюдаются. Потому что, если честно, суммарный эффект на экономический рост там слабо-отрицательный. Хотя делать это надо, на мой взгляд. Но только делать это не в 2015 году, а попозже, когда будет какой-то запас по темпам роста. Конструкция там такая. НДС 15% единый, соответственно, с ростом НДС по социально значимым с 10% до 15% и снижением НДС по основному кругу с 18% до 15%, и НДСЛ 15,5% (с нынешних 13%). А выше все равно не поднять – там уклоняться начнут при сохранении плоской шкалы. Потому что если не шкала плоская, там еще и административные издержки подскочат. В этой ситуации мы, перенося налоги на население, сильно дестимулируем потребление населения. И стимулирование инвестиций этот эффект с точки зрения краткосрочного роста, трехлетки, не перебивает, если вводить немедленно. С точки зрения долгосрочных перспектив, да, это правильно, потому что инвестиции порождают конкурентоспособность т.д., но первый эффект на ВВП в течение первых 2–3 лет – будет негативный. Я повторюсь, из соображений бюджетной стабильности и из соображений долгосрочного экономического роста сделать это скорее стоит, но не сейчас.

Муж. Но только не *.

Белосов. Третий. Про статистику ВВП. В общем, это не вполне топик нашего разговора. Укажу лишь на значительный объем досчетов, на то, что у нас регулярно при пересмотрах ВВП масштабно меняется структура роста, динамика его отдельных компонентов и т.д. На отсутствие статистики запасов, которая просто дикая и трудно интерпретируемая, то есть иногда интерпретируемая, иногда – нет. И на известный эффект с инвестициями, при котором чем дальше, тем больше у нас инвестиции статистически смещаются к концу года. Причем этот эффект во времени нарастает, поэтому средства снятия волны, в полной мере с ней не работают. Оно понятно, почему так получается – потому что предприятиям тяжело вести эту статистику, и они сдают ее в конце года за раз. Заодно и когда приходят данные не только от крупных и средних предприятий, но и по полному кругу. И, соответственно, у нас все больше и больше получается скачок инвестиций в четвертом квартале – которого в жизни просто нет.

Понятно, что они сделаны в течение всего года, но как когда – мы там уже никогда не узнаем. Поэтому статистика ВВП у нас не очень, честно говоря, улучшается.

Межотраслевые комплексы почему лучше, чем отраслевые. Потому что, по крайней мере там масштабы управления достаточны для того, чтобы воздействовать на ситуацию и институциональными средствами, и через управление технологическими инновациями, и через переговоры с игроками, и где-то госзаказом, где-то как-то еще. У нас же, я говорю, мы дошли до ситуации, когда у нас есть стратегия развития, по-моему, лесобумажного комплекса. Там ни государственной собственности нет, ничего, нет институтов взаимодействия с бизнесом. Ну собрали «хотелки» компаний. Это еще перед кризисом, правда, было. Выяснилось, что сумма «хотелок» там совершенно невероятная. По-моему, они собирались построить, дай бог памяти, штук пять этих заводов новых целлюлозно-бумажных. Что суммарно компании будут просто друг с другом конкурировать, они просто рынки не знают. Но взяли и просуммировали в стратегию. Тогда эта стратегия – то ли пустая бумага, то ли это просто какой-то инструмент для того, чтобы обосновать наличие - в данном случае у Минпрома - каких-то долгосрочных оснований деятельности. В этом смысле работа с экономикой через межотраслевые комплексы и мышление внутри комплексов окнами возможностей, проблемами, узкими местами, более управленчески разумно в силу масштаба управления и наличия хоть каких-то инструментов.

С инфляционными последствиями от бюджетного правила. Мы расчет-то провели, Вы его в презентации видели, они умеренные. В реальном выражении там, как вы видели, рост. Почему – потому что там происходит лишь умеренная разбалансировка торгового баланса (запланировано выделение ресурсов Агентству поддержки экспорта, да и инвестиции дают положительный эффект с точки зрения роста) – соответственно, и влияние на курс очень ограничено. У нас гораздо сильнее влияние на инфляцию курса, чем влияние денежной массы, причем сильнее раза в два. И в этой связи там рост инфляции, конечно, будет, там просто ее не может не быть, но экономический рост, в общем, в реальном выражении все равно наблюдается.

Ведущий. Спасибо. Итак, уважаемые друзья, мы переходим к третьей фазе – к высказываниям. Пожалуйста, поднимите руки все, кто хотел бы высказаться по этой теме. Шесть. Кто больше? Всё. Считаем. Давайте исходить из того, что до 8 мы проводим эту фазу.

Муж. Выше крыши.

Ведущий. Да, нормально. Поэтому получается: семь человек, по пять минут регламент. Начинаем теперь с этой трибуны. Пожалуйста. Кто здесь?

Павина. Павина Валентина, экономический факультет. Начну со слайда, который замечательным образом оставил Олег Витальевич. Вот аллегория судьбы, где дети, мне кажется, это как раз такая...

Муж. Это не дети, это *.

Павина. Ты знаешь, могу себя извинить, потому что очень плохо видно, а в Музее Академии в Венеции, к сожалению, бывать не довелось. Так вот, тем не менее, я вижу так, я говорю о своем видении.

Я, естественно, как вы, наверное, уже поняли, категорический противник сокращения расходов. Мы уже много раз говорим о том, что нам необходимо довести уровень расходов до 30%. Если мы возьмем западные страны, мы увидим, что даже Америка, у которой как раз колоссальный дефицит, уровень ее расходов на уровне 40% ВВП. Поэтому наши 36–37% – это, я считаю, мало, а не много. Это первое.

Ни для кого не секрет... И вот, кстати, девушка задавала вопрос, Вышка дала результат, что коэффициент 0,8. Это, кстати, очень приличный коэффициент мультипликации. Потому что звучали в том числе и в публикациях цифры меньше 0,5. А уж с 0,8 сам бог велел расходовать на людей. И, еще раз повторяю, в первую очередь на детей, на образование, на детские сады. Потому что когда мы говорим о нашем

замечательном Фонде национального благосостояния, так первое направление, по которому его следовало бы расходовать, – это как раз создать адекватные, эффективные и, более того, прогрессивные детские учреждения, которые обеспечат наших детей качественными условиями, качественным образованием и качественными перспективами. А экономика в этом случае получит дополнительные инвестиции, дополнительные рабочие места в строительстве и т. д.

Что же касается идеи относительно передать деньги бизнесу, в том числе в виде возврата части налогов. С одной стороны – да. Но, с другой стороны, возникает вопрос: а не уйдут ли эти возвращенные деньги вслед за теми 62 миллиардами из страны, как мы это замечательным образом видим? Понимаете, наверное, нужно думать, кому и как отдавать, и под какие условия отдавать. Наверное, при условии инвестиции этих денег на внутренний рынок, имеет смысл отдать. А при других условиях, наверное, смысла нет.

Наверное, стоит, что касается налогов, возвратиться к старой практике, которая была до 2001 года, когда стимулировалось оставление дивидендов в бизнесе. Ведь мы знаем, что по НДФЛ была льгота. В случае, если НДФЛ направлялся на выкуп акций, то есть на инвестиции в реальную экономику, то (тогда еще был подоходный налог, не НДФЛ) он не уплачивался, он освобождался от налога. А если учесть, что ставка налога была 35,3%(?), потом 30% в 2001 году, то это был очень мощный стимул. Точно так же и с дивидендами. То есть дивиденды оставлены. То есть реинвестированные дивиденды не облагались подоходным налогом, и это тоже был бы очень мощный стимул инвестиций.

Я к чему говорю? Что нам необходимы инструменты и механизмы, стимулирующие инвестиции во внутреннюю экономику, во внутреннее производство.

И в этой связи еще одно предложение насчет налогового маневра. У нас есть шанс сделать налоговый маневр. По примеру Китая: не поднимать НДФЛ до 15% при снижении НДС до 15%, а отменить возврат НДС при экспорте сырья. Всё. Мы сразу имеем колоссальное, многотриллионное увеличение наших доходных источников. Мы, конечно, будем иметь колоссальный протест со стороны наших нефтяников и газовиков, но, если мы сумеем это пережить, мы будем иметь другую экономику. Потому что отмена возврата НДС у экспортеров сырья будет мощнейшим стимулом, для того чтобы наши замечательные нефтяники и газовики развивали переработку газа и нефти на российской территории. И тем самым та самая химическая и нефтехимическая промышленность, про которую мы сейчас очень много говорим, получила бы мощный импульс и стимул роста. Вот мои предложения относительно налогового маневра.

Ведущий. Спасибо.

Павина. Спасибо.

Ведущий. Пожалуйста. Далее кто поднимал руку?

Голанд. Голанд, Институт экономики. Я как раз тут воспользуюсь случаем, прорекламирую статью, которая сегодня вышла в «Вопросах экономики»: «Опыт индустриализации при НЭПе и его использование в современных условиях». Правда, наша страна особая, у нас все повторяется, и поэтому те проблемы, которые были тогда, они сейчас снова возникли. Если кто будет читать статью – на это обратит внимание.

Тогда была такая проблема с инвестициями... Скажем, 28-й год, когда были основные споры: надо увеличивать инвестиции или уменьшать? * оппоненты, так называемые «правые»(?), председатель правительства Рыков прежде всего, говорили, что нельзя увеличивать инвестиции, если они используются плохо и неэффективно. Вот я вспоминал это, когда видел на примере, о котором говорил как раз Олег Витальевич. А Сталин говорил иначе. Он говорил, что нам надо обязательно экономический рост, надо рост промышленности. Независимо от того, эффективно или неэффективно, надо инвестиции увеличивать за счет того, чтобы уменьшить потребление населения. Вот такой был его подход, и так это было сделано и на практике.

Но в действительности и тогда было показано, что есть возможность... Я думаю, эта идея и сейчас могла бы быть использована, как бы совместить все эти подходы таким

образом, что обратить внимание на то все-таки, как используются у нас ресурсы, не только бюджетные, а какой у нас уровень производительности труда на предприятиях, уровень энергоэффективности, использования материалов. И это должно быть в центре внимания. Это не только вопрос бюджета, это вопрос коммерческого сектора, чтобы они эффективнее работали.

И здесь мы упираемся, конечно, в вопросы институтов, потому что от этого зависит прежде всего то, как используются ресурсы на уровне предприятий. Но кроме того это еще и вопросы технической политики. И вопрос, я бы сказала, нацеленности, что ставится как главная цель. Мне кажется, что у нас забыто... Вспомните советские времена, те, кто помнит, вот эти показатели, которые предприятия получали, показатели эффективности, они были в значительной степени, скажем, бессмысленны, потому что они обходились разными путями, но в основе лежала здравая идея – чтобы росла производительность труда, чтобы повышался уровень использования фондов и т. д. Потом они были все забыты, потому что считалось, что прибыль – итоговый показатель. Теперь мы видим на опыте, что прибыль может достигаться совсем разными путями, и больше прибыли у тех, у кого лучше административный ресурс. И мне кажется, что если переориентировать всю экономику, а не только бюджетную сферу, на повышение эффективности использования ресурсов, мы можем найти выход из того положения, которое так ярко описали нам оба выступавших.

Ведущий. Спасибо. Пожалуйста, Виталий Леонидович.

Тамбовцев. Тамбовцев, экономический факультет.

Уважаемые коллеги, у меня такое, я бы сказал, соображение стилистического характера, стилистико-когнитивного, здесь вот так я бы сказал. Почему стилистического? Обратите внимание, как только выступает какой-нибудь представитель правительства или некто близкий к ним, так сразу о наших проблемах, которые нас окружают, они говорят «так получилось», «так сложилось», «так уж вышло». То есть не мы работали так, что у нас... у вас... извините, не у них – у вас, у нас то есть возникли проблемы, а вот так уж получилось, что возникли проблемы.

Уважаемые коллеги, если вы вспомните, какие проблемы перечислял первый докладчик в начале своего выступления, то, в общем, любому не слабовидящему человеку понятно, что процентов на 100% эти проблемы – суть порождения действий правительства, расширенного правительства, конечно, включая законодателей, которые исполняют то, что говорит им исполнительная власть. Поэтому понятно, что это правительство за последние десять лет довело экономику страны до того состояния, которое ярко и убедительно было описано в первом докладе.

Теперь вопрос: что делать? Делать-то что? Как говаривал покойный Вадик Иванов: «*?*» Так вот ответ на этот вопрос не лежит в плоскости бюджетной политики, он лежит в плоскости совсем иных решений. Но при этом надо отчетливо понимать, что эти решения нынешнее правительство никогда не примет. Никогда, пока оно живо. Правда, есть точка зрения Альфреда Коха, давеча озвученная, что государство у нас скончалось. Но это точка зрения господина Коха. Я считаю, что оно в некоторых своих проявлениях живо. И именно поэтому надо понимать, что те решения, которые только и могут решить проблемы отечественной экономики, приниматься не будут, пока существует это правительство.

Спасибо. Я завершил.

Ведущий. Оптимизм нарастает, я бы сказал. Владимир Викторович, потом *. Пожалуйста.

Климанов. Климанов Владимир. Вы знаете, навеяло несколько соображений вот какого сорта.

Первое. Мы, по-моему, мне кажется, как-то немножко ушли от темы, или показалось, что все-таки мы говорим о макроэкономической политике скорее о какой-то, но не собственно о бюджетной. Мы ушли от тематики бюджета в первопричины этого

состояния бюджета. И здесь как-то сложно расширять тогда тему бюджетной политики. Но я попробую какие-то соображения сказать.

Первое. Я согласен полностью с тем, что нужно... Вскользь прозвучала мысль, что нужно смотреть несколько шире, нежели просто чем федеральный бюджет. И какие-то резервы и ресурсы, которые связаны с пенсионными накоплениями, они где-то рядом с бюджетом, они не вписываются вот в этот ромб или еще во что-то, а все-таки давать внятную и четкую оценку нужно с учетом этого. То же самое относительно и трат региональных бюджетов. Опять-таки там будет большой социальный перекосяк. И куда там этот ромб побежит – мы еще сами тоже до конца не знаем с учетом необходимости выполнения указов президента. И здесь бюджетная политика как раз будет более четко выражена, если картина будет какой-то более многогранной что ли. Это такое первое соображение.

Второе соображение связано с тем, что я полностью согласен, что сократить расходы вряд ли каким-то образом возможно. 2009 год это очень четко показал: при резком падении доходов никакого сокращения расходов мы провести не смогли. И в этой связи та актуальная задача в части рецептуры, которая сейчас стоит, – это диверсификация важности бюджетных расходов как таковых. Вот эта мысль как-то вскользь звучала. Но я сам помню ситуацию, когда в 2009 году конкретные лица в Минфине сидели и придумывали матрицу реструктуризации, деля расходы на три группы. Моя супруга тогда мне сказала: «Слушай, прочти "Анну Каренину", там Вронский(?) делал точно так же». Я перечитал – точно абсолютно! Карточный долг – это первая группа, за извозчика – второе, а потом все остальное, а этим можно не платить.

Вот если мы эту схему, модель не выработаем, понимаете, наверное, мы не придем ни к каким решениям. То есть пока мы будем голословно говорить, что мы отменили защищенные статьи бюджета, и в этой связи, раз это расходное обязательство, то оно подлежит к обязательному исполнению, мы не сможем ничего решить, мы не можем найти решение, когда мы всюду должны платить. То есть должны, наверное, какой-то рецепт здесь найти, что мы сокращаем в условиях какого-то такого кризисного что ли момента.

И все-таки про инструменты. Мне, честно говоря, как-то показалось очень жалко, что мы столько всего выдумываем в качестве инструментов решения бюджетных проблем, и эти инструменты остаются просто не услышанными. Мне в этом году довелось участвовать в той работе, в которой РАНХИГС с Вышкой писали доклад о повышении эффективности бюджетных расходов. Мы приезжаем в Минфин, выступаем перед Силуановым, он говорит: «Никаких новых идей». А мы спрашиваем: «А что вы те-то никак не реализуете? Мы уже пять лет одно и то же вам предлагаем, а вы никак их не реализуете». Тоже странная какая-то вещь. Что мешает уже в какой раз нам принять законодательство о ГЧП новое, чтобы каким-то образом удлинить всякие бюджетные контракты или еще что-то. Что мешало программный бюджет раньше ввести, еще что-то? То есть столько рецептур есть в межбюджетных отношениях, что, казалось бы... Все говорят: ну вот они, рецепты. И точно также, кстати говоря, было очень много рецептов относительно возможности сокращения бюджетных расходов, того самого бюджетного маневра, они там касались и социальной сферы. Тоже как бы не услышано.

Поэтому я бы все-таки об инструментах и механизмах... уделял этому больше внимания. Потому что действительно ресурсов, как мы сегодня слышали, дополнительного какого-то наращивания доходов для этих самых расходов, наверное, очень мало.

Спасибо.

Цухло. Институт экономической политики имени Гайдара, фамилия Цухло. Я очень удивился выступлению Виталия Леонидовича. Я никогда от Вас такого раньше не слышал, хотя слышал Вас, по-моему, уже лет тридцать назад.

Тамбовцев. Ты меня редко слушаешь *.

Цухло. Ну, раньше слышал чаще, да, Вы у нас лекции читали. Это так. А я бы хотел сделать два комментария по поводу тех иллюзий, которые я сегодня услышал в докладах и в обсуждениях.

Первое. Я задавал вопрос о том, что у нас якобы промышленность работает на пределе своих мощностей, прибыльных, конкурентоспособных и т. д. Первый раз это я услышал, прочитав в докладе Мирового банка в начале года, потом это прозвучало в словах министра финансов Силуанова, потом недавно Валютный фонд опять рассказал нам эту иллюзию. С ними резко вступил в дискуссию предыдущий министр экономики Андрей Белоусов. По нашим данным, промышленность имеет резерв примерно 15%. То есть она может без проблем поднять загрузку мощностей с 67% до 80%. Без проблем, без инвестиций, производя конкурентоспособную продукцию, работая в нормальном режиме. По отраслям вариация немного больше, но в среднем так.

Вторая иллюзия, которую я здесь услышал, про инвестиции, что вот у нас плохие инвестиции, в конце года будет все хорошо, в конце года...

Белоусов. Я не говорил такого.

Цухло. Ну, что якобы все инвесторы в конце года подводят итоги, и в конце года у нас, как правило, вся инвестиционная отчетность хорошо себя покажет.

Белоусов. «Хорошо» не говорил. Лучше **.

Цухло. А, лучше, чем...

Белоусов. У нас будет порядка где-то плюс 0,5 скорее всего по итогам года. А «хорошо» я, разумеется, не говорил. Проблема, да, в том, что у нас статистика инвестиций смещается изнутри года к концу. У нас там дикий пик в четвертом квартале. Это просто некий статистический факт.

Цухло. Да, да, это обычное явление(?).

Белоусов. И из этого утверждения следует лишь, что мы скорее всего получим по итогам года не легкий минус, как мы сейчас наблюдаем по тенденции, а где-то в диапазоне 0..+0,5. Ну, если +0,5 – это хоть сколько-нибудь хорошо, тогда у нас разные представления о благе.

Цухло. Ну, это обычное дело в нашей статистике, что сезонность большая, в строительстве огромная сезонность. Но, к сожалению, промышленность, промышленные предприятия планируют сейчас, в октябре, к концу года резкий спад инвестиций. Такого не было еще где-то с конца 2009 года. И рассчитывать на то, что у нас будет какая-то стабилизация или лучше будет отчетность инвестиций в конце года, я бы не стал. Это еще одна иллюзия.

И вот то, что якобы если мы дадим чуть больше денег промышленности, она будет чуть лучше инвестировать, здесь были такие предложения, – это тоже большая иллюзия. По нашим оценкам, та экономия, которая, возможно, возникнет в промышленности или во всей экономике от заморозки тарифов естественных монополий, тоже не будет сильно направлено на инвестиции. Хотя премьер на это усиленно намекал, что хорошо бы, если мы вам дадим такую побрякушку, чтобы вы чуть-чуть больше инвестировали. Промышленность не хочет инвестировать. Ну а почему – вот Виталий Леонидович нам объяснил.

Спасибо.

Ведущий. Спасибо. Пожалуйста, Кемер Борисович.

Норкин. Я, во-первых, хочу поблагодарить обоих докладчиков. Очень креативно. И у меня двойное чувство. Вот если смотришь на экономическую статистику... Я не зубр * в этой области, но 2–3 часа в неделю я все-таки изучаю статистику. И у меня просто какое-то безвыходное ощущение. Когда слушаешь академическую науку, когда слушаешь университетскую науку, то вроде выход есть. Но встает вопрос: почему не идут в этот выход? На самом деле вот здесь вопрос этот правильно затронут: потому что правительство ни за что не отвечает. Если вы можете сказать: «Хотел как лучше, а получилось как всегда», и за это вам ничего не будет, сколько бы вы денег ни ухлопали,

если вы можете сказать, что мы не можем взимать прогрессивный подоходный налог, потому что мы не можем контролировать доходы, вот японец сделал бы себе харакири. Он не может управлять государством, если он не может контролировать доходы.

Какой мы видим выход? На самом деле я вижу выход только один – это взаимодействие экономистов со специалистами по управлению активными системами с участием человека. Это очень важная вещь. Действительно, если мы хотим, чтобы правительство хорошо работало, должен быть критерий качества. Сейчас уже сказали, что качество жизни должно быть целью. Кто измеряет, какое у нас качество жизни? В каких единицах измеряется? Если я не отвечаю за... Я скажу, что качество жизни у нас увеличилось, и я могу собрать сколько угодно расходных обязательств. Качество растет, и всё. Значит, должен быть объективный критерий оценки, независимый.

Второе. Должно быть соотношение цены расходных обязательств и соответствующий прирост(?) к качеству. Дальше по Конторовичу – брать только те расходные обязательства, от которых качество растет больше... Ну это известно, как оптимизируется.

И наконец, очень важно учитывать положительные обратные связи и планирование. Дело в том, что у нас сейчас планирование чуть ли не признак социализма. На самом деле это просто воровство. Это хрестоматийный пример. Когда американцы решили, что европейцы никогда не отдадут деньги, если их не сделать богатыми, первым делом что они сделали? Они просчитали план Маршала по программе «затраты – выпуск». Вы же знаете это лучше меня. У нас говорят так: «Это социализм». Да социализм не в том, что план есть, а в том, что принуждение к выполнению плана внеэкономическое, не через интересы людей. Мы должны учиться управлять через интересы людей, и это самый трудный вопрос.

Сейчас мое время уже истекает, я скажу только одно. Еще во времена Косыгина, когда Косыгин делал реформы, он пришел к Трапезникову и говорит: «Слушай, у тебя какие-то там шибко умные люди есть, пусть они мне скажут, какой процент добавленной стоимости человек должен получать, чтобы быть заинтересованным в работе системы». И мы стали это моделировать. И, думаете, что у нас получилось? Автоколебания. А потом мы уже разобрались. Оказывается, управление через интересы порождает колебания. Это еще Маркс, так сказать, тоже самое знал до нас, мы просто были не экономисты и этого не знали. И управлять системой с положительной обратной связью – это сложная управленческая задача. Вот как мы управляем реактором – это то же самое, то есть это должны быть обязательно некие стержни, которые гасят эту инициативу, иначе она приводит к кризису.

И последнее, что я хочу сказать. Давайте сотрудничать, управленцы и экономисты. Потому что такие блестящие экономисты, как я слушаю, это, как говорится, всё... Но пока не измеряется результат, никакого управления не будет.

Ведущий. Так, у нас было семь. Яков *, да?

Муж. Пас.

Ведущий. Пас. Тогда, ну что, предоставим возможность высказаться. Теперь опять-таки говорит сначала Дмитрий Рэмович, потом Олег Витальевич.

Белосов. Есть несколько ремарок, заметок на полях.

Первое – это ситуация с неэффективностью расходов. Проблема в том, что государство, по идее, должно либо помогать бизнесу и не деформировать его цели и желания, а помогать ему добиваться, помогать ему двигаться вперед, либо заниматься вещами, которые, вообще говоря, неэффективны, то есть ни один нормальный человек не возьмется. Таково строительство дорог, если только государство понимает, зачем это нужно.

И вот классический пример такой крайне неэффективной стройки, правда давно уже. Через всю Америку тянули железную дорогу, от океана до океана, невесть зачем, через какую-то пустыню, вообще не пойми куда, не пойми зачем... Воровали, рабочие

дошли, 19 век во всей красе. Там просто вообще черт знает что! В газетах над этим смеялись просто, потешались. Но по итогам на той стороне выросло тихоокеанское побережье США и появилась Америка, как мы ее знаем. А если бы не было дороги, скорее всего было бы две Америки или три, как уж они поделились бы там по центрам тяготения, там известные транспортные всякие дела.

Поэтому здесь с эффективностью вопрос-то сложный.

И отсюда последний, наверное, вопрос, который здесь звучал, о том, что ли, типе управления, который стоит. Есть старая дискуссия о том, что первично – модернизация политическая, институциональная или экономическая. На мой взгляд, полярные примеры Украины и Южной Кореи показывают, что для отставшей от мировых лидеров страны приоритетна авторитарная модернизация и успех экономики, который создает реальные интересы и реальные силы, заинтересованные в модернизации практик, заинтересованные в реальном повышении эффективности расходов, и т.д. И шаг за шагом - уже имея реальную опору – создаются и современные политические институты. Как раз такие, какие нужны развивающемуся обществу. А если этого нет, то, да, мы можем быстро насадить демократию, только, по образцу Украины, мы быстро обнаружим, что в парламенте до фига и коммунистов, и фашистов, и кого там только нет, а страна не развивается. А в более мягком варианте - понятно, что форсированная демократизация у нас в первую очередь к чему приведет резкому росту социального популизма: давайте быстренько раздадим нефтяные деньги народу, а потом хоть трава не расти. Это на примере той же Югославии, демократию на предприятиях проходили – первой жертвой инвестиции становятся и долгосрочное развитие.

В этом смысле вопрос, коль скоро мы вроде бы выбрали вариант в целом авторитарной модернизации, достаточно мягкого авторитаризма причем, то здесь вопрос к экспертному сообществу (которое у нас заменяет гражданское общество), в том, чтобы сделать эту модернизацию реальной и эффективной, в том, чтобы действительно она шла и вызывала к жизни новые общественные группы – и предпринимательские, и рабочие, и инженерные, научные – которые уже будут предъявлять новый спрос и на институты, и на практики, и на эффективность, и т.д. Пока их нет, демократические институты – только имитация. И, на мой взгляд, превращение Государственной Думы в этакую Верховную Раду нас скорее отодвинет, чем приблизит к решению каких бы то было функциональных задач.

Ведущий. Спасибо. Пожалуйста, Олег Витальевич.

Буклемишев. Вот я сегодня советские анекдоты рассказываю. Мне Виталий Леонидович еще один анекдот навеял. Идет правление совхоза: «Первый вопрос на повестке дня – строительство коровников, второй – строительство коммунизма. Но поскольку гвоздей не завезли, переходим сразу к вопросу номер два».

Мы с коллегой действительно попытались сделать вид, что гвозди завезли и чуть-чуть поковыряться в первом вопросе до того, как перейти к вопросу два. Мы попробовали, тем не менее, пофантазировать, а что пришлось бы делать, если бы экспертное сообщество действительно каким-то образом влияло на то, что происходит.

Теперь немножко о вопросе два, раз уж об этом зашла речь. Вот тот момент, где я категорически не согласен с коллегой, потому что та авторитарная модернизация, которая у нас проводится, приводит, к сожалению, к упомянутым мною результатам, и, честно говоря, нет примеров, когда она в наших родных осинах, в условиях наших родных осин принесла за собой какие-то более позитивные плоды. Не видел я таких примеров.

Недавно вместе с несколькими экономистами самой разной идеологической направленности, от Иноземцева до Сонины, мы сидели беседовали с европейскими экспертами, представителями think tanks, и европейцы задавали примерно один и тот же вопрос: что происходит с экономикой, каковы перспективы (летом это происходило еще). И в какой-то момент, мы с Евсеем Томовичем Гурвичем, мы с ним сидели рядом, стали смеяться, потому что все наши экономисты слева направо звучали примерно одинаково. А

звучали они примерно так: что единственный позитивный результат, к которому мы можем прийти из нынешней ситуации, к сожалению, недостижим путем каких-то точечных постепенных изменений, а может произойти только через нырок в кризис. То есть, используя известное англоязычное выражение: «It will get worse before getting better».

Так вот, к сожалению, мне кажется, действительно так. И мне представляется, что Украина, уже упомянутая, из этого «еще хуже» уже выкарабкивается, а нам вот это «еще хуже» предстоит пройти.

Я на этом, пожалуй, завершу. Большое спасибо всем за участие.

Муж. Нужно как Римский клуб делать – оценку качества работы правительства(?).

Ведущий. Уважаемые коллеги, я надеюсь, что мы действительно все получили удовольствие от докладов, поэтому спасибо большое докладчикам. Но, если позволите, поскольку я не говорил введение, можно я скажу короткое заключение?

Уважаемые друзья, может быть, в научном смысле положение даже хуже, чем в общественном. Потому что, я хочу заметить, Дмитрий Рэмович, что, скажем, книга Асемоглу, Робинсона, Джонсона и Яреда 2008 года показала эконометрическими методами, что гипотеза Липсета, что от экономического роста можно прийти к модернизации, опровергнута. Но, с другой стороны, те же расчеты и другие расчеты, скажем, Полтеровича и Попова, Сатарова(?) и т. д., показывают, что через политическую революцию тоже путь к модернизации, похоже, не получается.

Поэтому это остается пока загадкой, что в научном смысле даже интереснее. Догадки всякие, связанные с... может быть, это тип культуры или, например, закрытый/открытый общественный порядок и т. д... Поэтому это хорошо, что мы с вами находимся в эпицентре вопроса. Помните, как у Стругацких: «Какой же смысл решать задачу, которая имеет решение? Давайте попробуем решить задачу, которая не имеет решения».

Но хочу подчеркнуть, что рассуждения о бюджетной политике, по-моему, были позитивными в том смысле, что шло взвешивание факторов, и каждый для себя, я по крайней мере, прояснял многие новые вещи и нюансы. И обратите внимание на интересную вещь, вот как тема влияет на происходящее. Сегодня, поскольку я модерировал, я следил за временем, из всех выступающих поголовно только один использовал регламент полностью – это Олег Витальевич. Все остальные (понятно, бюджет жесткий, бюджетные ограничения) недоиспользовали тот ресурс, который был им предоставлен. Я приветствую как Олега Витальевича, который, в общем, эффективно это сделал, чуть-чуть превзошел, на одну минуту, так и тех, кто бережно отнесся к вниманию других, мысль изложил и закончил. Спасибо вам, уважаемые друзья.

Мы в следующий раз встречаемся 21 ноября, в третий четверг месяца, в 18 часов. И хочу напомнить, что у нас вступила в силу новая конвенция об авторизации. Может быть, вы помните, что предыдущий диспут закончился публичным пари, которое мы заключили с Сергеем Алексашенко, что если мы сделаем расшифровку за оговоренный срок, то вступает новое правило... Мы завершили расшифровку на сутки раньше оговоренного срока. Я послал SMS Сереже: «Если экономфак МГУ, наш с тобой родной экономфак МГУ, обещает сделать невозможное, то он это делает раньше срока». Поэтому теперь, уважаемые друзья, у нас действует какой порядок... Через неделю у нас появится расшифровка вашего диспута. Сегодня у нас 17-е. 24-го появится расшифровка диспута. Соответственно, мы рассчитываем, что авторизация происходит к понедельнику. Мы же понимаем, что вы люди занятые. К понедельнику, 28 октября. Потому что если к вечеру понедельника мы не получаем авторизацию, мы считаем, что она наступила автоматически, 29 октября вывешивается расшифровка, и вы сможете еще раз насладиться аргументами и игрой остроумия.

Спасибо. До встречи 21 ноября.